

вековья, иногда под религиозной оболочкой, а иногда и в прямой форме, например, сатиры, вторгались в жизнь более действенно и решительно, чем иные синхронные западные литературы. Литературы Востока в творчестве своих наиболее выдающихся представителей ориентировались на действительность, активно реагировали на нее, развивали реалистические элементы во многих жанрах. Лирика Востока еще задолго до Нового времени изображала живые чувства, реальные переживания, социальный протест человека своей эпохи. Следовательно, хотя реалистическая литература, сформировавшаяся на Востоке в XIX—XX вв., особенно в таких странах, как Турция и Япония, бесспорно восприняла воздействие Запада, однако источником ее были как сами жизненные условия, сложившиеся на рубеже XIX—XX вв., так и реалистические тенденции и элементы, издавна развивавшиеся внутри самих восточных литератур. Прогрессивная реалистическая литература Запада не породила реализма в литературах Востока, а лишь ускорила его развитие, наложила свой отпечаток на творчество восточных писателей-реалистов.

Таким образом, востоковедческая дискуссия о реализме вплотную подвела исследователей к проблеме типологических схождений в литературах Востока и Запада. Это был серьезный шаг вперед — от фактографического описательства к литературоведческому обобщению. Вполне естественно поэтому, что в результате дискуссий по одной литературоведческой проблеме (о реализме) встала более общая задача — ликвидация отставания в самих научных методах изучения литератур Востока, задача повышения теоретического уровня ориенталистского литературоведения.

В «Тезисах», которые явились выводами из дискуссий, отмечалось: «Теоретическое отставание выражается, в частности, в изучении одной, отдельно взятой восточной литературы вне связи с другими и с мировым литературным процессом, в пренебрежении к художественному анализу, в описательности и отходе от больших проблем и обобщений, в недостаточной связи исследований с актуальными проблемами литератур народов Азии и Африки. ... Источник отставания состоит в том, что до начала XX в. восточные литературы изучались почти исключительно западными исследователями, для которых эти литературы были не родными, а иностранными. Западные ориенталисты, заложившие основы этого изучения, уделяли главное внимание древним (обычно на мертвых языках) и средневековым литературам Востока, зачастую перенося на свой объект исследования методы классической филологии, имевшей дело с мертвыми языками. Такое изучение восточных литератур было обусловлено историческими условиями и для своего времени имело положительное значение. Оно разработало критические методы исследования, создало тот прочный фундамент, на котором зиждется и поныне ориенталистское литературоведение. Однако в изменившихся условиях пробуждения Востока и формирования кадров ученых Востока, для которых изучение литературы является родным, подобное изучение вступило в противоречие с объектом и задачами исследования»³.

Дело в том, что литература на Востоке, всегда связанная с жизнью, в современных условиях особенно тесно связана с национально-освободительной борьбой, с социальными преобразованиями и часто выступает основным, а иногда даже единственным рупором и выразителем общественного мнения. Это повышает воздействующую роль литературной критики и литературоведения. Поэтому невозможно изучать литературы Востока «по-старому»: «Преодолеть теоретическое отставание, — говорилось в «Тезисах», — можно только тогда, когда проблема „литература и жизнь“ станет в центре внимания всего ориенталистского литературоведения»⁴.

Некоторые существенные организационные мероприятия содействовали перелому в ориенталистском литературоведении. Уже с 1958 г. в Ин-

³ Проблемы становления реализма в литературах Востока, стр. 306—307.

⁴ Там же, стр. 308.